

АЛЕКСАНДР
ДИВОЧКИН

**НЕИЗВЕСТНОЕ
ОБ
ИЗВЕСТНОМ**

МОСКВА НПО «ПРОГРЕСС»
1990

ПОРУЧИК ДОСТОЕВСКИЙ

Никто не оспаривает величие Федора Михайловича Достоевского. Это предельно ясно, но до сих пор непонятно, что за человек был он, каков его внутренний мир?

Несомненно, Достоевский принадлежал своей эпохе. Это наложило на него определенный отпечаток. В чем-то он ошибался, но благодаря своей гениальности перешагнул через рубежи времени и вышел на просторную дорогу вечности.

Очевидно и другое. В становлении писателя немалую роль сыграла... военная служба. Вспомним биографию писателя.

Вскоре после переезда в Петербург умерла Мария Федоровна — мать Федора Достоевского. И в Инженерном училище, куда поступил он по воле отца, молодой человек пребывал в угнетенном состоянии. К военным дисциплинам не чувствовал особой склонности, но учился старательно, в дерзостях замечен не был, но, тем не менее, его оставили на второй год в кондукторской роте. Для Достоевского извес-

тие об этом стало ошеломляющим, самолюбие застонало от подобной несправедливости. А тут еще настало время отправляться в летние лагеря.

Лето выдалось на редкость дождливое. Вещи Федора Михайловича в сырой палатке все время мокли, спрятать их решительно было некуда. Питался Достоевский всухомятку. Спасало одно — книги. Он читал запоем: Гете, Жорж Санд, Гофман, Шиллер...

Денег не хватало, и будущий офицер запросил помощи у отца. Ответа долго не было, а затем пришло известие, что батюшка Федора Михайловича скончался. Долго не мог Достоевский прийти в себя после той страшной вести. В тот день, как он узнал о ней, с ним случился припадок. Доктора нашли, что это похоже на падучую болезнь, приписывали состоянию Федора Михайловича и наследственные изъяны.

В Инженерном училище Достоевский стал после этого особенно мнительным, самолюбивым и раздражительным. Все же он дошел до унтер-офицера и портупей-юнкера и так добрался до офицерского класса, получив чин подпоручика.

Тут Федор Михайлович вступил на литературное поприще. Начинал он с писания драм, потом его увлекли переводы, затем — погружение в поэзию. Да еще страстная привязанность к музыке. В мире образов и звуков Достоевский как бы парил над действительностью. Не до службы было молодому офицеру. Да и тяготился он ею. Наконец в октябре 1844 года по высочайшему приказу Федора Михайловича уволили от службы «по домашним обстоятельствам» в чине поручика.

Отставной поручик сделал выбор: всецело посвятил себя литературе. Знакомство с Н. А. Некрасовым и В. Г. Белинским укрепило в нем стремление следовать благородным традициям пушкинского и гоголевского творчества. Из-под пера Достоевского выходят повести «Бедные люди», «Белые ночи», которые сразу привлекли внимание читателей. Федор Михайлович пишет еще одну повесть — «Несточка Незванова», где пытается изобразить страдания «маленького человека» как трагедию социальную. Но завершить эту работу писателю не довелось.

Федор Михайлович познакомился с Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским, стал частым гостем на квартире своего нового приятеля, где собирались студенты, чиновники, литераторы. «Пятницы Петрашевского» при-

обрели большую популярность. На них бывали писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, поэты А. Н. Плещеев, А. Н. Майков и многие другие. Петрашевцы осуждали самодержавие и крепостнический строй, мечтали о социалистическом устройстве будущего русского общества.

Между тем шеф жандармов и управляющий III отделением «собственной его величества канцелярии» граф Алексей Федорович Орлов, доказавший государю свою преданность 14 декабря 1825 года при усмирении «бунта» на Сенатской площади, скрупулезно собирая улики против петрашевцев. И грянул гром.

В 1849 году к следствию было привлечено свыше 100 человек: 21 человека приговорили к смертной казни (в том числе Ф. М. Достоевского), остальных — к различным срокам каторги и ссылки.

Федор Михайлович пережил весь ужас ожидания смерти. Приговоренных к смертной казни привезли на Семеновский плац, некоторых привязали к столбам, на голову им надели мешки. Загремели барабаны, раздалась громкая команда приготовиться к стрельбе... и только после этого объявили «царскую милость»: замену смертной казни каторгой.

...Закованных узников отправили на санях в Сибирь. Обоз с каторжниками медленно продвигался к Тобольску. Со времени учреждения Сибирской губернии существовал приказ о ссылках: именно в Тобольске происходила сортировка узников по разрядам и определялись места каторги. В острог этого сибирского городка Достоевский попал 11 января 1850 года. Вскоре ему объявили о решении отбывать наказание в Омской крепости. И снова — тяжелейший путь.

23 января Федора Михайловича доставили в Омский острог, имевший давнюю и весьма мрачную историю. Сначала Достоевского провели в небольшое одноэтажное здание кордегардии, находившееся у самых острожных ворот. Удлиненные оконные проемы с восемью квадратными стеклами в переплетах, грубо связанные дверные полотна придавали этому зданию сугубо казенный и жуткий вид.

Из кордегардии Федор Михайлович проследовал под кровлю острожской казармы. «Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым удущливым запахом... На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещались

лось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано: часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательство, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскунные платья, все обруганное, ошельмованное» — так описывал позднее Федор Михайлович обстановку, в которой ему пришлось пробыть четыре года.

Именно здесь писатель впервые приобщился к подневольному, каторжному физическому труду. На четвертый день по прибытии в острог его вместе с другими арестантами пригнали на Иртыш и заставили разбирать две вмерзшие в лед казенные барки. С берега через крепостной вал в течение двух месяцев кряду Достоевский носил кирпичи к строившейся в крепости казарме. В статейском списке, составляемом на государственных политических преступников, содержавшихся в Омском каторжном остроге, он числился в разряде чернорабочих. И крепостному начальству не было никакого дела до того, что этот чернорабочий стал уже известным писателем.

Красавица сибирская река невольно слилась в памяти Федора Михайловича с ужасами тяжелого, часто совершенно бессмысленного труда. И не случайно он переносит в Омск, на берег Иртыша, захватывающую сцену последнего свидания Сони с находящимся на каторге Раскольниковым в романе «Преступление и наказание», написанным им в 1866 году.

Отбывая каторжные работы в Омском остроге, писатель часто болел, и его помещали в арестантскую палату госпиталя. Покровительствуемый врачами, он здесь на время избавлялся от гнетущего режима тюрьмы, а главное, получал возможность писать, делать наброски и заметки всего пережитого и перечувствованного им за эти годы. Позднее на основании «потайной книжки», которую Федор Михайлович вел в госпитале, им было написано гениальное произведение «Записки из Мертвого дома» (1862 год).

В начале 1854 года Достоевский покинул Омск. По окончании срока каторги его зачислили рядовым в Сибирский седьмой линейный батальон, который стоял в Семипалатинске. Еще пять лет солдатчины, условия которой в то время мало чем отличались от жизни в «мертвом доме».

В середине ноября 1854 года Федор Михайлович отправился в Семипалатинск. Дорога шла прямо на юг вдоль Иртыша, голою необозримою Киргизской степью. Кроме

серой солдатской шинели у Достоевского ничего другого не имелось. С трудом добрался писатель до места своей солдатской службы.

В Семипалатинске помещались линейный батальон, конная казачья артиллерия, гауптвахта и тюрьма. Ни деревца, ни кустика, один сыпучий песок, поросший колючками. Здесь-то и стал жить Федор Михайлович. У него была одна комната, довольно скромная, чрезвычайно низкая, в которой всегда царствовал полумрак.

То, что солдат Достоевский — бывший государственный преступник, никого в Семипалатинске не смущало. Отношение к таким людям здесь всегда было участливым, сострадательным. Они помогали солдату-писателю в его многотрудных житейских обстоятельствах, за что он от души был им благодарен.

Командир батальона Белихов разрешил Федору Михайловичу поселиться отдельно от роты в небольшой комнате. Правда и писатель не остался у Белихова в долгу. Достоевский читал командиру батальона «Военные ведомости», а заодно и присылаемые из штаба официальные бумаги. Бумаги были секретные, и у Белихова могли случиться крупные неприятности, если бы об этом узнали в штабе. Но он всецело полагался на скромность своего солдата Достоевского.

К большому сожалению, как только речь заходит о пребывании Федора Михайловича на Алтае, многие исследователи творчества и жизни писателя допускали и допускают немало неточностей. Это довольно легко объяснить. Близкий друг Достоевского барон Александр Егорович Врангель написал свои «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854—1856 гг.)». Эта книга была издана в Петербурге в 1912 году. Писал ее автор в глубокой старости и, конечно, немало напутал. Вот и пошли с его легкой руки «гулять» по страницам романов, повестей, научных работ начальник Алтайского округа генерал Гернгресс, хотя он был полковником и должность его называлась по-другому, служащий Локтевского завода Ковригин, который никогда на этом заводе не работал, и другие современники писателя.

Может, кому-либо это покажется мелочью: подумаешь, должности, чины. Но можно ли так рассуждать, когда дело касается биографии Достоевского?..

Уже в первый год службы в Семипалатинске в жизнь

Федора Михайловича вошли два человека, оставшиеся — каждый по-своему — в сердце писателя навсегда. В ноябре 1854 года из Петербурга в Семипалатинск на должность стряпчего по уголовным и гражданским делам прибыл молодой барон Александр Егорович Врангель. Так уж случилось, что он быстро сблизился с Достоевским. «Это был человек с прекрасными качествами души и сердца,— писал Федор Михайлович.— Я полюбил его очень. Добра он мне сделал множество».

Да, действительно, Врангель первым заметил трагическую пропасть между личностью писателя и тем жалким положением, в котором находился солдат. Именно Александр Егорович стал вводить Достоевского в семипалатинское общество, добился, что даже губернатор начал принимать ссыльного литератора. Думается, что Федору Михайловичу, очень замкнутому по натуре, вряд ли были приятны эти светские знакомства. Но ведь от них зависела его судьба, помилование. А только через помилование лежал путь к освобождению от солдатчины, возможности вновь всецело вернуться к литературному труду.

Наиболее крупной и влиятельной фигурой из алтайских знакомых Достоевского был Андрей Родионович Гернгресс. Не генерал, а полковник, не главный, а горный начальник Алтайских заводов. Главным начальником Алтайских горных заводов и одновременно Томским гражданским губернатором (до 1864 года эти должности совмещались) был при Федоре Михайловиче генерал В. В. Бекман, в 1857 году его сменил генерал А. Д. Озерский. У Достоевского сложились добрые отношения с Андреем Родионовичем. Именно Гернгресс оказывал посильную помощь ссыльному писателю.

А теперь настало время поведать о другом человеке, еще более крепко, чем Врангель, вошедшем в сердце солдата Достоевского. Звали ее Мария Дмитриевна Исаева. Родилась она в Астрахани, по деду — француженка. Ее муж, мелкого чиновника, перевели за пьянство в Семипалатинск. Но и здесь он долго не продержался. Местное общество отвернулось от Исаевых.

Быть может, Федора Михайловича поразил контраст между нищетой и унижением, в которых жила Мария Дмитриевна, и духовным богатством ее натуры. И для Достоевского начались муки, еще бы — первая любовь за 33 года жизни! Но на пути к счастью стоял муж.

В мае 1855 года Исаев получил место «заседателя по корчменной части» (по управлению трактирами) в далеком и глухом Кузнецке. Расставание с Марией Дмитриевной писатель перенес очень тяжело. Скоро Федор Михайлович завязал с Исаевой переписку, договорился, что в июне они встретятся в Змеиногорске. Но в Семипалатинске ожидали приезда генерал-губернатора Западной Сибири и батальон усиленно муштровали к предстоящему смотру. Стоит ли говорить о том, что в таких условиях получить отпуск солдату Достоевскому было немыслимо. И все же, сказавшись больным, он вырвался к любимой женщине. Но его ждало разочарование: он не застал Исаеву в Змеиногорске, так как муж ее опасно заболел.

Чуть позже Федор Михайлович получил письмо от Марии Дмитриевны. Она сообщила, что муж умер от чахотки, а у нее с сыном не осталось никаких средств к существованию. В письмах Достоевский пытался утешить и ободрить любимую женщину. Даже в своем трагичном положении умудрялся оказывать ей материальную поддержку, занимал деньги в долг.

В ноябре 1855 года новым императором Александром II «во внимание к хорошему поведению и усердной службе» Федор Михайлович был всемилостивейше произведен в унтер-офицеры. Но этот чин, заработанный огромными усилиями, мало что изменил в подневольной жизни писателя. Реально спасти его могли лишь офицерские погоны.

А тут еще... В январе 1856 года Александр Егорович Брангель уехал в Петербург. Разлука с ним очень огорчила писателя, но он надеялся, что верный друг поможет ему в столице и примет меры для облегчения участия ссыльного литератора. Брангель сдержал слово, но медленно, страшно медленно крутилась царская бюрократическая машина...

В июне 1856 года унтер-офицер Достоевский впервые прибыл в Барнаул, в служебную командировку, а оттуда самовольно выехал в Кузнецк. Это был крайне рискованный шаг. Ведь унтер-офицера задержать в пути, вернуть назад и даже арестовать мог любой офицер. Но Федор Михайлович мчался в Кузнецк, летел к любимой женщине. Но Мария Дмитриевна побоялась связать свою жизнь с бесправным унтер-офицером, да еще таким же нищим, как и она сама.

Тогда Достоевский проявил редкое благородство: хлопотал о выплате вдове пособия за умершего мужа, об

устройстве сына Исаевых Паши в кадетский корпус, даже пытался устроить своего соперника Вергунова на более высокооплачиваемую должность.

Время шло... Наконец 30 октября 1856 года пришел долгожданный указ о производстве Федора Михайловича Достоевского в прапорщики. Но главная мечта писателя не исполнилась — он остался под секретным надзором и не получил позволения печататься.

В ноябре того же года Достоевский вновь отправился в Кузнецк. Эта поездка увенчалась успехом. Офицерский мундир, уверенность в себе, любовь и преданность, которые он не раз доказывал, сделали свое дело. Мария Дмитриевна дала согласие на брак со ссыльным писателем. 6 февраля 1857 года в Кузнецке состоялись венчание и скромная свадьба. Одна мечта Федора Михайловича сбылась. Но... на обратном пути в Барнаул с Достоевским случился сильнейший припадок эпилепсии.

Последние два года жизни Достоевского в Семипалатинске не богаты какими-либо выдающимися событиями. Служба Федору Михайловичу была в тягость, семейного счастья не получилось. Не нам его судить. Но из-под пера писателя вышли роман «Село Степанчиково и его обитатели», повесть «Дядюшкин сон», многие главы «Записок из Мертвого дома».

Вместе с тем у литератора участились припадки эпилепсии, после которых он долго не мог прийти в себя, даже терял память. Скольких лет жизни, скольких ненаписанных страниц стоила ему эта страшная болезнь!

В конце 1857 года Достоевский подал рапорт об увольнении в отставку по болезни. Этот документ ходил по различным инстанциям полтора года! Лишь в мае 1859 года пришел указ об увольнении. Федору Михайловичу разрешили вернуться в Россию. Вскоре он прибыл в Омск уже не арестантом, а свободным человеком.

В Россию великий писатель возвращался по тому же тракту, по которому девять с лишним лет назад следовал на каторгу.

Так завершилось каторжное и солдатское лихолетье Достоевского.